

Отзыв

официального оппонента

на диссертацию Наталии Евгеньевны Мазаловой «Народно-медицинское «тайное знание» русских ритуальных специалистов: семантика, статус, функции (конец XIX — начало XXI в.)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 — этнография, этнология и антропология

Народно-медицинские «тайные знания» — неотъемлемая часть традиционной культуры, присущей ей картины мира и сложившейся совокупности социальных взаимодействий. Пожалуй, ни один исследователь, какой бы он ни занимался проблематикой, обладающий определенным багажом полевого опыта, не мог не сталкиваться с этой темой, не мог не признавать ее присутствия в живой этнографической действительности.

И самих ритуальных специалистов — колдунов, знахарей, предсказателей, и построение взаимоотношений с ними односельчан, нуждающихся в «тайном знании», вряд ли можно охватить одним этнографическим явлением. Возникающая в конкретном этносе, этнолокальном социуме сеть символических и социальных связей пронизывает — по мере функционирования «тайного знания» — сразу несколько явлений, подсистем культуры. Однако, невзирая на то, что всякая фундаментальная исследовательская тема, не вполне исчерпываемая, нуждается в периодическом обновлении (благодаря новым подходам или открывающемуся материалу), изучение народно-медицинских представлений и в особенности способов их функционирования в среде русского сельского социума вот уже весьма длительное время оказывается вне фокуса внимания многих этнологических работ. Исключением выступают труды В.И. Харитоновой и О.Б. Христофоровой, а также Н.Е. Мазаловой.

На жизненность и неисчерпанность этой темы для носителей традиции в большей мере и довольно гибко реализовали фольклористы, в особенности

слависты Московской этнолингвистической школы, реконструируя мифологические представления, традиционную картину мира «в зеркале языка». Однако социологическая, психолого-физиологическая составляющие народно-медицинского «тайного знания» оказывались в их изучении на обочине, почти не затронутые исследовательским анализом.

В силу сказанного следует признать несомненную актуальность комплексного этнологического изучения народно-медицинских знаний русских, предпринятого Н.Е. Мазаловой. Можно приветствовать в этом отношении энергично сформулированную цель: «...не просто описать представления о ритуальных специалистах, но и выяснить, каким образом они функционируют в этнокультурном контексте» (Диссертация, с. 9). Задачи, соответствующие этой цели, как раз раскрывают комплексный характер в трактовке Н.Е. Мазаловой объекта и предмета исследования: эти задачи охватывают и содержательные составляющие концепта «тайное знание» (символы, социальные связи), и практики самих «знающих» (телесные, ментальные, социальные).

Отметим, что широте круга исследовательских задач соответствует и широта охватываемого исторического периода: XIX — начало XXI века. В силу этого в числе привлеченных источников преобладают опубликованные и архивные материалы — те, что собраны в XIX — нач. XX в.; для середины XIX — нач. XXI в. важную роль играют полевые материалы диссертанта, собранные в течение 30 лет, преимущественно на Русском Севере и Северо-Западе РФ. Следует поставить положительный акцент на обильном привлечении сведений, извлекаемых диссертантом из опубликованных томов Этнографического бюро В.Н. Тенишева (остающихся все еще мало востребованными современными этнологами).

Батарея подходов и методов, (их, в общей сложности, 10 — Дисс., с. 11-12), задействованных для решения задач в плане интерпретации материала, в принципе не вызывает возражения, тем более что автором работы обоснована их привязка к различным конкретным аспектам объекта изучения. Вместе с

тем, сопоставляя эти подходы, стоит отметить, что они по большей части разнородны (например, функционализм К. Малиновского и этно-эмный подход К. Пайка; лингвистическое выявление семантики «концептов» и структурно-функциональный анализ А.Р. Рэдклифф-Брауна), и их гипотетическая взаимодополнительность могла бы составить самостоятельную проблематику для цельного гуманитарного исследования. Внимательное прочтение данной диссертационной работы показывает, что все перечисленные подходы представлены в ней; наиболее часто, последовательно и эффективно — структурно-семантический анализ, позволяющий реконструировать различные народные концепты, относящиеся к содержанию и функционированию «тайного знания».

Наряду с обоснованным комплексным рассмотрением народного медицинского тайнознания (от его места в картине мира до психофизиологии телесных практик «знающих» и конструирования их социальных образов), диссертационная работа характеризуется также открытостью для анализа в свете других дисциплин, изучающих человека, — фольклористики, социологии, психологической антропологии, общей психологии и медицинской антропологии, с использованием некоторых ключевых понятий этих наук. Такой междисциплинарный методический подход особенно отчетливо проявляется в проведенном кратко, но вполне обстоятельно обзоре степени изученности проблематики, а еще более явственно в первой главе работы.

Заявка на всестороннее системно-структурное изучение народного «тайного знания», функционирующего в русском социуме, добротной подкреплена представленным в главе I Диссертации обзором результатов исследований, отечественных и зарубежных, непосредственно относящихся (на разном этнокультурном материале) к заявленной в данной работе проблематике. Обзор мог быть более представительным, если бы в нем не оказалось некоторых упущений.

Так, диссертантом упоминается о двух направлениях в зарубежной социальной/культурной антропологии, обнаруживаемых в связи с проблематикой «тайного и знания» — символическом и социальном. Однако при раскрытии первого упущена широко известная работа К. Леви-Строса — «Колдун и его магия», введенная в 1974 г. в научный оборот русскоязычных читателей акад. В.П. Алексеевым, а позднее, в 1983 г. опубликованная в составе «Структурной антропологии»; она не учтена и в Библиографии рассматриваемой работы. Остался без упоминания (нет в главе I и в Библиографии) и сборник статей Е.Н. Елеонской, опубликованный в 1994 г., важных для интерпретации взаимосвязи христианских и магико-языческих компонентов в колдовстве, знахарстве. Не получила необходимого внимания и работа А.С. Сидорова, в которой на материале коми, по сути, применен комплексный подход к «тайному знанию» в сельском социуме.

Архитектоника Диссертации довольно продуманная, четкая. Рассмотрению, решению каждой из сформулированных задач уделены один и/или несколько разделов (глава, несколько параграфов). Н.Е. Мазаловой удалось полновесно реконструировать семантику народных концептов, аккумулирующих представления русского сельского социума о своих ритуальных специалистах — ведьме, колдунах, знахарях; также успешно воссозданы и концепты самого «тайного знания», и проявления его в умениях этих специалистов («ладить», «ведать» или же наводить «порчу» и др.). При раскрытии семантики этих концептов особенно широко задействованы материалы XIX — нач. XX в.; при присоединении к ним (с аналитико-реконструирующей целью) полевых материалов конца XX — нач. XXI в. воссоздается некий этностабильный семантический конструкт — народная модель, стоящая за сохраняющейся на протяжении значительного исторического периода терминологией.

Диссертанту удалось довольно полно и достоверно воссоздать, как в ходе обряда инициации колдуна происходило в его сознании изменение так

называемой схемы тела, изменялось его отношение к своему телесному облику, анатомии и физиологии.

Несомненной заслугой диссертанта считаю проведенное, опираясь на собственный полевой опыт, сопоставление тактильных практик русских знахарей с приемами иглокалывания, разработанными в китайской традиционной медицине. Крупным вкладом в проблематику природы «тайного знания» и «знающих» следует признать проведенное комплексное рассмотрение т.н. измененных состояний сознания (ИСС), запечатленных народным опытом и воссозданных в данном исследовании в соответствующей «эмной» терминологии.

Значимость социальных характеристик «знающих» — их возраста и пола обстоятельно рассмотрена специально, причем не только посредством соответствующих концептов, но в тесной связи с формированием самого «тайного знания», в контексте различных типовых ситуаций социальной коммуникации. Стремясь к созданию объемной характеристики личности «знающего», формирующейся и функционирующей в совокупности социальных связей, автор работы обоснованно расчленил в анализе и попытался затем объединить (при рассмотрении биографий в § 5.5. и в Заключение) различные составляющие личности — как реального индивида, односельчанина, как мифологизированной персоны.

Возникает вопрос (он не поставлен в Диссертации): в народном сознании происходит синтез разноаспектных черт личности, т.е. мифологических и наблюдаемых «реальных», социальных; насколько возможен их синтез при использовании исследовательской («этной») терминологии?

Следуя контексту диссертационной работы, можно согласиться, что изучаемые ритуальные специалисты образуют социальный институт в рамках сельского общества, опосредствующий его взаимодействия с силами потустороннего мира (ритуальный специалист — «посредник между социумом и миром природы, удовлетворяющий потребности в контактах с потусторонним миром», Дисс., с. 160). В этом смысле уместно использование

понятия «статус», предназначенное запечатлеть в своей семантике функцию, необходимую для данного социального института. В Диссертации нет непосредственного определения понятия «статус», имеется лишь тезис о его изучении, почерпнутый из кандидатской диссертации В.Г. Холодной (по той же специальности, но по другой теме), в котором объединены практически все черты, присущие личности в социальных коммуникациях — и социально-повседневные, и мифологические (Дисс., с. 320–321). Поскольку «статус» — это не народный концепт, а исследовательское понятие, целесообразно было бы в его определении ограничиться функциональными признаками, в ином случае вместо «статуса» в рамках социального института возникает «социальный образ» в рамках общины в целом. Только поэтому, полагаем, оказывается возможным суждение диссертанта, что «статусы «знающего», вора и разбойника накладываются друг на друга» (Автореферат, с. 24), с чем трудно согласиться.

Это и некоторые ранее упомянутые положения Диссертации не следует считать недостатками, речь идет о дискуссионных моментах, неизбежно возникающих при описании и анализе неординарных феноменов.

Высокая теоретическая и прикладная значимость диссертационного исследования, представленного Н.Е. Мазаловой, не вызывает сомнений.

Новизна теоретико-поискового подхода состоит в более объемной трактовке народно-медицинского «тайного знания», во включении в него невербализованного знания, в том числе экстрасенсорной способности к прогностике, а также умений управления собственными эмоциональными состояниями и ИСС. Народно-медицинское «тайное знание» рассматривается как основанное на традиционных у русских представлениях о единстве, гносеологической взаимопереводимости телесных практик и ментальных процессов.

Впервые процессы формирования «тайного знания» рассматриваются в их социальном контексте. И функционирование, и межличностную передачу, и межпоколенную трансляцию «тайного знания» автор рассматривает как

социальный процесс, значимую характеристику русского сельского общества. Материалы и выводы диссертационного исследования, несомненно, найдут приложение и в этнологии, и медицинской антропологии, общей психологии, культурологии. В научный оборот введен обширный эмпирический материал, собранный автором работы в конце XX — начале XXI в.

Стоит отметить и некоторые конкретные недостатки, от которых соискателю целесообразно избавиться свою работу при подготовке ее к печати.

1. В Библиографии имеются пробелы: в ней отсутствуют несколько работ, ссылки на которых имеются в тексте. Назовем их: Бургиньон 2009 (Дисс., с. 223); Ван Дейк 1989 (Дисс., с. 257); Шульц 1994 (Дисс., с. 310).

2. В диссертационном исследовании нет рабочего определения таких дискуссионных в этнологии понятий, как «магические практики», «магические представления»; в силу этого порой возникает неоправданная контаминация «магического» с «языческим»; также иногда используется неясная метафора о взаимном «перетекании» христианских и языческих («магических») компонентов (Дисс., с. 374, 395).

3. Совокупность собранных автором диссертационной работы быличек не охарактеризована в количественном отношении применительно к различным этно-региональным, этно-локальным группам.

4. Диссертант порой прибегает к таким характеристикам, как «сравнимо», «сопоставимо». Например: «Слово [заговор. — А.О.] сравнимо с физиологическими жидкостями (слюной, мочой и др.)»; «Слово (заговор) знахаря сравнимо с делом, действием невербальным» (Автореферат, с. 15, 16); обретение «тайного знания» «сравнимо с зачатием» (Диссертация, с. 61).

Не всегда ясно, идет ли речь о народном сопоставлении, аналогии либо здесь сравнивает и указывает на аналогию исследователь.

Высказанные критические замечания не умаляют весьма положительную оценку, которую вполне заслуживает рассматриваемая работа. Диссертация Н.Е. Мазаловой — самостоятельное завершённое исследование, посвященное

решению крупной научной задачи, выполненное на весьма солидной источниковой базе, выводы которого отчетливо сформулированы, достоверны. Результаты многолетнего исследования диссертанта хорошо представлены в публикациях (три монографии и более 100 статей); содержание диссертационного исследования достаточно полно и адекватно представлено в Автореферате.

В соответствии с п. 9 Положения ВАК РФ о порядке присуждения ученых степеней, рецензируемая работа — диссертация Мазаловой Наталии Евгеньевны «Народно-медицинское «тайное знание» русских ритуальных специалистов: семантика, статус, функции (конец XIX — начало XXI в.)» соответствует критериям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор заслуживает присвоения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 — этнография, этнология и антропология.

Официальный оппонент:

Островский Александр Борисович, доктор исторических наук,
научный сотрудник главной категории Российского этнографического музея
(отдел этнографии русского народа)

Подпись руки А.Б. Островского удостоверяю:

Секретари

20.08.19.